

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Н р а в ы.

I. Внѣшность и внутреннее содержаніе.—II. Женщина.—III. Семья.
IV. Общество.

I.

Внѣшность и внутреннее содержаніе.

Завоеватели XIII вѣка не помѣшали цивилизаціи Россіи. Напротивъ, они въ нѣкоторой степени пріобщили эту страну къ своей цивилизаціи. Судя по внѣшнимъ даннымъ, этотъ родъ побѣды былъ почти полнымъ. Взгляните на москвича XVI вѣка. Прежде всего онъ съ ногъ до головы одѣтъ по-самаркандски. *Башмакъ, азамъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, учкуръ, шлыкъ, башлыкъ, колакъ, клобукъ, тафья, темлякъ*—вотъ все татарскія имена частей его одѣянія.

Если, поссорившись съ пріятелемъ, онъ примется ругаться, неизмѣнно въ репертуарѣ фигурируетъ *дуракъ*,—а придется драться—на сцену выступаетъ *кулакъ*. Судьей, онъ заковываетъ подсудимаго въ *кандалы* и зоветъ *ката*, чтобы *кнутомъ* угостить виноватаго. Администраторомъ, онъ собираетъ налоги въ *казну*, охраняемую *карауломъ*, или устраиваетъ по дорогамъ станціи (*ямъ*), обслуживаемыя *ямыщиками*. Наконецъ, выходя изъ почтовыхъ саней, онъ заходитъ въ *кабакъ*, замѣнившій прежнюю русскую *корчму*. И всѣ эти слова азіатскаго происхожденія. Въ этомъ есть знаменательное указаніе, хотя дѣло касается лишь внѣшнихъ формъ. Но гораздо важнѣе то, что извѣстная доля монгольской крови способствовала, повидимому, такой быстрой и покорной ассимиляціи. Въ какой мѣрѣ? Определить это не легко. На этотъ счетъ въ Россіи документы отсутствуютъ, а показанія путешественниковъ противорѣчивы. «Настоящіе московскіе

уроженцы», пишет Виженеръ (*Description du royaume de la Pologne et des pays adjacents*, 1573), большею частью маленькаго роста, но хорошо сложены, сильны и крѣпки, съ лицомъ весьма бѣлымъ, зелеными глазами, длинною бородой, короткими ногами и съ порядочнымъ брюшкомъ». За исключеніемъ послѣдней черты, отмѣченной большинствомъ свидѣтелей, этотъ портретъ отчасти напоминаетъ знаменитое описаніе рыжей служанки постоялаго двора. Пееръ Персонъ или Петреусъ (путешествіе въ *Rerum rossicarum scriptores exteri*, I т.) напротивъ, имѣлъ удовольствіе встрѣчать въ той же странѣ только шестифутовыхъ мужчинъ и восхищаться черноглазыми женщинами со стройнымъ тѣломъ, маленькой грудью и длинными, тонкими пальцами на узкихъ рукахъ. Эти агатовые глаза были также замѣчены Дженкинсономъ. Что же касается ихъ цвѣта лица—это вопросъ спорный; Петреусъ называетъ его бѣлымъ, но испорченнымъ излишествомъ косметики, къ которой прекрасныя москвички прибѣгали слишкомъ охотно, употребляя ее не только для лица и шеи, но и для глазъ и зубовъ; Флетчеръ же приписываетъ употребленіе этихъ средствъ естественному несовершенству окраски лица.

Чтобы оправдать сразу и тѣхъ и другихъ наблюдателей, надо прибавить, что они плохо смотрѣли лишь оттого, что наблюдаемые не давали разглядѣть себя—женщины за стѣнами своихъ теремовъ, а мужчины, по крайней мѣрѣ изъ высшаго класса, подъ множествомъ кутавшихъ ихъ одеждъ. Перечисленіе ихъ у Флетчера поражаетъ. Мужская одежда: прежде всего *тафья*, маленькая шапочка, покрывавшая наголо обритую голову. Волосы отпускались только въ знакъ траура или немилости. Эта *тафья* у вельможъ была изъ парчи, вышитая жемчугомъ и драгоценными камнями. Поверхъ надѣвалась большая шапка въ формѣ тіары, въ персидскомъ вкусѣ, съ опушкой изъ чернобурой лисицы,—мѣха, наиболѣе цѣннаго. Рубашка безъ воротника оставляла шею открытою, съ оторочкой богатой работы въ 3 или 4 пальца ширины. Лѣтомъ эта рубашка служила домашней одеждою и дѣлалась изъ красивой матеріи, покрытой вышивками. Зимой, она пряталась подъ легкой одеждою изъ шелка, застегнутой спереди и доходящей до колѣнъ. На нее одѣвался *кафтанъ*, длинный и узкій, иногда изъ парчи, доходившей до щиколотки; поясъ, завязанный ниже пупка; у пояса кинжалъ или ложка; *однорядка*, шелковая, еще длиннѣе кафтана, но шире его, съ мѣховою опушкой, вышитая спереди; наконецъ, для выходовъ, *охабень*...

Я избавлю читателя отъ перечисленія другихъ разновидностей костюма—*фрезы*, *кунтури*, дополненіемъ къ которымъ были высокіе сафьяновые сапоги, также вышитые жемчугомъ и драгоценными камнями.

Нечего и говорить, что женскій гардеробъ былъ еще сложнѣе. Общей чертой являлась роскошь и обиліе одеждъ. Шелковая черная или красная сѣтка на волосахъ, прикрытая лѣтомъ батистовымъ тонкимъ платкомъ, вышитымъ жемчугомъ и завязаннымъ подъ подбородкомъ; зимою золотая парчевая шапка, расшитая жемчугомъ и камнями, съ опушкой дорогого мѣха; исподнее широкое платье—*опашня*, большею частью пурпуроваго цвѣта съ длинными до земли рукавами; затѣмъ невѣроятное количество надѣтыхъ одна на другую одеждъ, и широкихъ, и узкихъ, и парчевыхъ, и шелковыхъ; однѣ испещренныя камнями, другія подбитыя мѣхомъ; сверхъ этого цѣлая коллекція ожерелій, браслетовъ, всевозможныхъ украшеній. Обутая въ башмаки изъ бѣлой, желтой или голубой кожи, также расшитые перлами, благородная москвитянка еле могла держаться на ногахъ подъ этой грудой сокровищъ. Она походила на икону.

Такъ одѣвались знатные люди. Конечно, гардеробъ простого человѣка былъ значительно проще. Лѣтомъ—рубаха и пара сапогъ,—у женщинъ, изъ скромности двѣ рубашки; зимою—одежда изъ толстаго бѣлаго или синяго сукна, спускавшаяся ниже колѣнъ, и овчинная шуба—вотъ главные, общепринятые ея части. Прибавьте къ этому нашейный крестъ у женщинъ и кольца изъ какого-нибудь металла въ видѣ серегъ, считавшіяся также необходимыми.

Благодаря вліянію аскетическихъ идей, набожность и скромность наложили свою печать на подробности женскаго наряда. Даже излишнее употребленіе румянъ и бѣлилъ можно приписать желанію хорошенько спрятать то, что не надо показывать. Но, хотя повидимому все дѣйствовало во славу Божию, кое-что доставалось и на долю діавола. Не одинъ только Домострой руководилъ выборомъ нѣкоторыхъ головныхъ уборовъ или драгоценныхъ камней, напр., рубиновъ или изумрудовъ, обладающихъ свойствомъ придавать лицу выраженіе и блескъ.

Но можно ли съ достовѣрностью утверждать, что эти платья и одежды имѣли дѣйствительно татарское происхожденіе? Любопытно, что Флетчеръ не подозрѣвалъ этого совершенно! По его словамъ, современные ему русскіе были одѣты *по греческому образу*. Одѣяніе

московскихъ государей, конечно, было скорѣе византійскимъ, нежели самаркандскимъ; всѣ европейскіе государи одѣвались такъ же въ болѣе отдаленное время. Такъ же несомнѣнно византійское происхожденіе румянъ и бѣлилъ, столь излюбленныхъ московскими щеголихами. Онѣ обязаны этимъ подаркомъ Ольгѣ, женѣ Игоря. Отправляясь въ Константинополь въ 955 г., княгиня взяла съ собою многочисленную женскую свиту, которая не теряла даромъ время на берегахъ Босфора. Въ средневѣковой Европѣ Константинополь былъ, какъ нынѣшній Парижъ, столицею изящества и роскоши. Покрывая себѣ зубы чернымъ лакомъ и придавая какимъ-то неизвѣстнымъ намъ способомъ черную окраску самому бѣлку глазъ, русскіе женщины занимались скорѣе какой-то примитивной татуировкой, нежели подражали тонкому искусству греко-римскихъ щеголихъ. Но и въ этомъ надо видѣть слѣдствія того грубаго искаженія, которому искусство во всѣхъ своихъ формахъ подвергалось въ этой странѣ; кокетство здѣсь стремилось приблизиться къ идеалу красоты въ народной поэзіи: лицо, какъ снѣгъ бѣло, глаза—съ поволокой...

Съ береговъ Босфора спутницы Ольги привезли на Русь, если не *кику*, то, по крайней мѣрѣ одну изъ ея разновидностей, ту, которую московскіе государыни стали носить вмѣстѣ съ *саями*, — длинными жемчужными нитками, спадающими на плечи съ обѣихъ сторонъ. Этотъ головной уборъ встрѣчается въ древне-греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, и на одномъ изъ Евангелій X в., хранящемся въ библіотекѣ Гота, германская императрица Теофанія и сынъ ея Оттонъ III представлены въ одѣяніяхъ, близко напоминающихъ боярскія одежды XVI вѣка.

Итакъ, названія не вполне соотвѣтствуютъ здѣсь сущности самихъ предметовъ. Таково свойство завоеваній: они часто создаютъ обманчивую внѣшность, ибо захватъ ихъ остается поверхностнымъ и непрочнымъ. Что же касается, въ особенности, русской женщины изучаемой нами эпохи, то надо искать въ Византіи объясненія ея внѣшняго вида и внутренняго содержанія. Византійскій аскетизмъ господствуетъ надъ женщиной и охватываетъ ее всю. Пока она растетъ, онъ еще даетъ свободно развиваться ея тѣлу и расцвѣтаетъ ея прелесть; но, по выходѣ замужъ, она должна навсегда скрыть отъ чужого взора свою красоту, принадлежащую отнынѣ только мужу. Волосы замужней женщины должны быть покрыты, а фигура ея закутана множествомъ пышныхъ и широкихъ платьевъ, надѣтыхъ одно на дру-

гое. Поясъ она можетъ надѣвать только на *сорочку*, домашнее платье, въ которомъ она никому не должна показываться. Но, по странному противорѣчію, обыкновену въ такого рода вещахъ, поясъ является обязательнымъ при сорочкѣ, и отсутствіе его считается въ высшей степени неприличнымъ.

Нерѣдко мірскія приличія смѣшивались съ религіозными условностями. Пышность одеждъ соотвѣтствовала тѣлосложенію. Праздность и отсутствіе движенія одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ высшаго класса, были причиною того, что мужчины толстѣли и отращивали животы, а женщины ранѣе времени заплывали жиромъ. Неотъемлемая принадлежность роскошной жизни—эта черта становилась въ свою очередь элементомъ красоты: она цѣнится еще до сихъ поръ у петербургскихъ кучеровъ и у московскаго купечества.

Но не относитесь съ презрѣніемъ къ женскимъ прелестямъ, соблазнявшимъ русскихъ современниковъ Ивана Грознаго. Несмотря на свою чрезмѣрную полноту и неграціозную закутанность, москвичка XVI вѣка занимаетъ почетное мѣсто въ *Gynaeceum* или *Theatrum mulierum* Юста Аммана (1586): «*Qualem vix similem Gallia culta dabit!!!*» Съ другой стороны, любовь къ украшеніямъ, культъ личной красоты и забота о ней были въ ту эпоху однимъ изъ проявленій эстетическаго чувства и стремленія къ высшимъ формамъ жизни у еще варварскаго народа. Не забывайте, что эти такъ богато одѣтые люди жили въ лачугахъ; я не скрою отъ васъ, что они ѣли горячее ложкой, которую носили у пояса, а для всего остального пользовались пальцами. Подъ покрывавшей ихъ блестящей мишурой, и физически и морально они оставались крайне грубыми. Но таковъ обычный ходъ цивилизаціи; исходя отъ простаго *я*, культувируемаго и облагораживаемаго въ смыслѣ наиболѣе простаго и тѣснаго, человѣкъ приближается къ все болѣе сложнымъ и высокимъ идеальнымъ сферамъ.

Теперь перейдемъ къ нравственному облику. На этотъ счетъ отзывы гораздо болѣе согласны. Ихъ нельзя назвать похвальными. Но иного мы и не могли ждать. Исторія постоянно опровергаетъ предположеніе о существованіи высокой нравственности на низкомъ уровнѣ развитія. Но въ упомянутыхъ отзывахъ надо считаться и съ ихъ иностраннымъ происхожденіемъ и съ вѣроятнымъ недружелюбіемъ авторовъ. Черты, которыя они особенно выдѣляютъ, это спѣсивость и плутовство, недовѣрчивость и недобросовѣстность. Наивные москвичи считаютъ себя выше всѣхъ другихъ людей. Они щедро раздаютъ

обѣщанія, которыхъ и не думаютъ исполнять. Но и другъ другу они совершенно не довѣряютъ. Отецъ остерегается сына, сынъ не вѣритъ матери, и безъ залога никто не дастъ взаймы ни копѣйки. Такъ говорятъ нѣмцы Бухау и Ульфельдъ, шведъ Персонъ и литвинъ Михалонъ. Горе въ томъ, что ихъ слова подтверждаются англичанами Флетчеромъ и Дженкинсономъ: «Можно по всей справедливости сказать... что отъ мала до велика, за крайне рѣдкими исключеніями, русскій не вѣритъ ни одному слову и самъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія». Эти отзывы можно считать наиболѣе правдивыми, такъ какъ они исходили отъ представителей націи, пользовавшейся въ то время въ Москвѣ особенно привилегированнымъ положеніемъ. Но они идутъ еще дальше, прибавляя къ своему описанію послѣднюю черту, на которую я уже указывалъ: жестокость. Правда, Флетчеръ извиняетъ ее, давая такое объясненіе: «народъ, съ которымъ сурово и жестоко обращаются должностныя лица и высшіе классы, становится самъ суровымъ и жестокимъ по отношенію къ себѣ равнымъ и особенно къ слабѣйшимъ».

Это можетъ относиться ко всѣмъ варварамъ, но въ этой странѣ самый климатъ мало располагаетъ людей къ мягкости. Поэтому напрасно національные историки старались и въ этомъ случаѣ свалить всю вину на монгольское нашествіе, которое будто бы испортило нравы, развратило побѣжденный народъ, приучая его къ насилію и лукавству. За два вѣка до появленія татаръ древняя Кіевская Русь уже была вся въ пламени и въ крови, въ ней кипѣла борьба, которой суждено было продолжаться до порога новаго времени, и которая несла въ себѣ залогъ растлѣнія нравовъ. Война кровавадна по самому существу. Ея собственные законы противорѣчатъ всѣмъ кодексамъ и евангеліямъ, и она не считается съ какой бы то ни было честностью. Лукавство становится заслугой, а насиліе добродѣтелью. И не татары дали этой странѣ, цѣлыя вѣка раздираемой анархіей,—вмѣсто западно-европейскаго рыцарства,—соотвѣтствующій ему, но далеко не равноцѣнный разбой, опоэтизированный преданіемъ, воспѣтый національными бардами, воплощенный въ народныхъ герояхъ. Въ одной изъ *былинъ*, выводящихъ на сцену Ивана IV, мы находимъ, на ряду съ разсказомъ о разбойникахъ, выраженіе идей, сложившихся подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ условій. Передъ судомъ юноша, которому грозитъ *правесъ*. Мимо проходитъ государь и спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Осужденный похитилъ чью-то казну. Юноша объясняетъ, какъ

это было. Казна находилась въ рукахъ шайки разбойниковъ. Смѣльчакъ напалъ на нихъ, отбилъ у нихъ добычу, и потомъ пропилъ ее по кабакамъ съ бродягами. Государь не колеблется: герой этого приключенія заслуживаетъ не наказанія, а награды за храбрость и щедрость. Отдается приказъ наградить его по-царски, и народъ въ восторгѣ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ душевнымъ свойствомъ, являющимся не специфическимъ признакомъ какой-либо азіатской или европейской расы, а прямымъ слѣдствіемъ явно ненормального развитія народа, находящагося на переходной ступени.

Въ XVI вѣкѣ наиболѣе близкій востокъ—Византія—налагаетъ свой ясный отпечатокъ на нравы московской земли, еле покрытой легкимъ монгольскимъ налетомъ. Но уже въ то время ея вліяніе возбуждаетъ сильную реакцію. Подъ непомѣрно тяжелымъ и тѣснымъ ярмомъ аскетизма физическая и нравственная природа возстаетъ и возмущается; она напрягается и, сбрасывая путы, рвется наружу въ хаосъ бунтующихъ, разнузданныхъ инстинктовъ. Такъ создаются крайности противоположнаго свойства—чудовищный развратъ, отвратительные пороки, забвеніе всякаго стыда даже у женщинъ, разъ онѣ вырвались изъ терема. Конечно, подобныя явленія выдаются на общемъ фонѣ семейной и общественной жизни. Они привлекаютъ вниманіе наблюдателей и подвергаются строгому осужденію, которое слѣдуетъ провѣрить. Особенно русская женщина является его объектомъ. Она—чудовище, по словамъ иностранныхъ моралистовъ. Взглянемъ же на нее поближе.